

Артистизм мастера

Н.Н. ГРОМОВ,
профессор кафедры рисунка факультета
изобразительных искусств

Петербургский художник Юрий Анатольевич Васильев — многоопытный мастер графики. В его руках артистично ведут себя и остро отточенный карандаш, и мягкая акварельная кисть, и стальная гравировальная игла. Всем навыкам владения любимыми инструментами он обязан Академии художеств, которую окончил в 1974 году по мастерской профессоров А.Ф. Пахомова и В.А. Ветрогонского, а также отцу — Анатолию Ильичу, прекрасному живописцу и человеку, завещавшему сыну не только технические приемы, но и, главное, бережное отношение к подлинным критериям искусства.

За тридцать творческих лет Ю. Васильев исколесил с путевым альбомом и этюдником почти всю нашу страну, побывал в разных уголках Европы, написал огромное количество пейзажей, создал несколько серий эстампов и живописных композиций. С таким весомым багажом художник постоянно участвует в выставках: российских и зарубежных; так называемых программных и душевных, камерных.

Казалось, всему учили в Академии, проведенные в ней годы были годами вопросов и ответов, ошибок и поправок, споров и дружеских наставлений, в результате которых и эстамп, и правила оформления книги были изучены досконально. Но кто мог предположить, что наступит час, когда потребуются иллюстрации не только к литературной классике или детским книжкам, но и к священным писаниям, житиям православных святых, а их-то в эпоху «воинствующего атеизма» уже мало кто помнил. С любопытством и некоторым трепетом Ю. Васильев согласился оформить книги незнакомого доселе содержания — «Равноапостольные святые братья Кирилл и Мефодий» и «Краткое жизнеописание Святой Ольги — Великой княгини русской».

Общеизвестно, что иллюстрации к историческим жанрам — занятие весьма сложное и противоречивое. Как, например, изобразить прошлое, не становясь в позу педанта-архивариуса? Допустима ли фантазия там, где

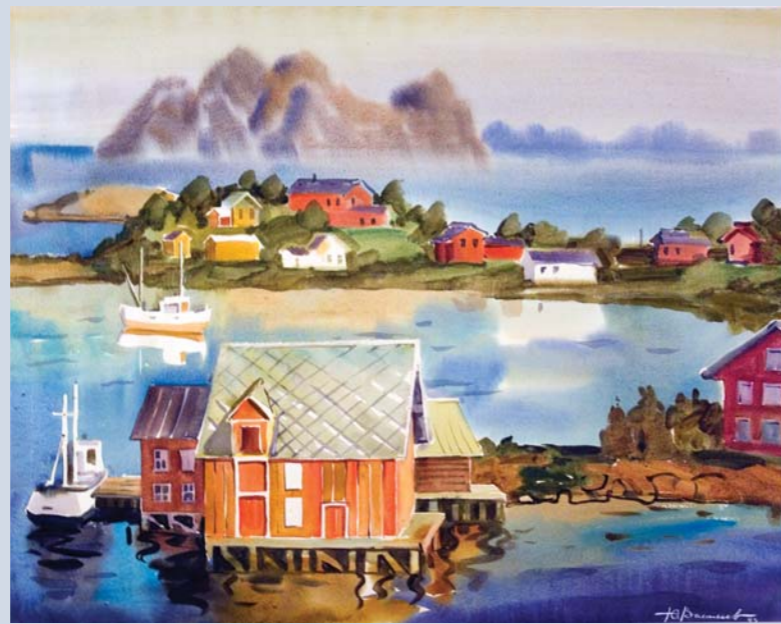

«Крюков канал», тушь, перо, 1995

«Исаакиевская площадь», холст, масло, 2006
«Канал в Уккермонде», бумага, акварель, 2004
«Зимняя канавка», бумага, акварель, 1997
«На Мойке», бумага, акварель, 2005
«Рождество в Петербурге», бумага, акварель, 2006

«Натюрморт с вереском», холст, масло, 2006
 «Виноградники Прованса», бумага, пастель, 2000
 «В долине Аму-Дарьи», бумага, акварель, 1990
 «Сентябрь на Лофотенах», бумага, акварель, 1993
 «Настурци», холст, масло, 2001
 «Праздник флота на Неве», цветной офорт, 1984

повествуется о неоспоримом факте? В каких красках показывать «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой»? Эти и подобные им вопросы не раз вставали перед Юрием Васильевым с той существенной оговоркой, что оформить предстояло не мирские опусы, а эпизоды из истории Православия.

Художник не стал имитировать Древнюю Русь, подделываться под образцы васнецовской, слишком новодельческой живописи. Но внимательно, с чувством приобщения к сакральному, изучал византийское наследие, иконопись и храмовые мозаики. Так, в иллюстрациях к житиям появились величавые в своем спокойствии, монументальные фигуры святых, фрагменты церковного зодчества и многосложные замесы цвета. Каждый лист иллюстраций, будь то обложка или «Положение во гроб» из «Кирилла и Мефодия», «Поклонение волхвов» из «Великой княгини Ольги», таинственно переливаясь приглушенным свечением красок. Слово старинные фрески, покрытые патиной веков, сошли на страницы книг о христианских пастырях. Погруженность в бескорыстный мир иконописцев, богомазов, как их тогда называли, позволила Васильеву по-новому оценить и возможности реалистического повествования.

Если участники храмового творчества, придерживаясь строгих канонов, достигали в своем деле вершин, то для воспитанника «свободных художеств» тем более широко открыто поле для экспериментов и самовыражения. Скромное участие в создании православной библиотеки обострило чувство прекрасного и осознание ценности времени.

Из исполненных иллюстраций, как своеобразное их продолжение, протянулись нити к другим композициям — «Охота», «Хождение за три моря», «Гроза в Толедо». Эти станковые листы убеждают в том, что Васильев — талантливый стилист. Он легко и свободно оперирует тонкостями различных направлений и эпох, не копируя тот или иной исторический стиль, а находя ему убедительный художественный эквивалент. В подтверждение сказанного стоит взглянуть на парафразы картин Караваджо и Карла Брюллова: «Волынщики», «Вакханалия», «Итальянские девушки», «Спящие музыканты». Знакомые образы «лютистов» и «итальянских красавиц» Васильев интерпретирует с доброй иронией, словно напоминая зрителям о сладостных томлениях творчества, о пиршестве красок, о праздничной природе искусства.

Мастер-класс по графике для студентов факультета изобразительного искусства ведет Юрий Васильев

Профессиональный универсализм художника-графика не освобождает его от некоторых внутренних противоречий. Так, работа над книгой и занятие станковой композицией — два разных состояния души. В первом случае существует ритм производственного процесса, четко оговоренные сроки и ответственность перед другими создателями книги. Рисую вольную композицию, напротив, можно позволить себе парить в эмпиреях фантазии, не скупясь на часы, дни и месяцы. В таком счастливом «полете» родились рисунки «Фавн», «Город у моря», «Арлекин и Пьерро».

Столь же благодатна работа в офорте. Она изобилует неожиданностями, которые помогают художнику быть оригинальным. Эффект новизны зиждится на свойствах техники. В каких-то моментах она непредсказуема, что при умелом ее использовании оборачивается успехом. Красноречивое свидетельство тому — серии офортов «Хозяева Тверской земли», «Русские города».

Точно так же и монотипия, которой Ю. Васильев увлекся в последнее время, открывает возможности творить чудеса. При печати оттиски приобретают сложную цветовую гамму и будто живую поверхность. Созерцая листы серии «Странники», воочию убеждаешься в неисчислимых возможностях искусства.

В мастерской художника радуют глаз не только эстампы, акварельные пейзажи и натюрморты. Со стен смотрят холсты, написанные маслом. Это портреты близких людей. Работа над портретом, Ю. Васильев исходит из простой и доверительной

формулы. Он изображает модель, находящуюся как бы в диалоге «тет-а-тет» со зрителем. Отсюда легкость и задушевность восприятия портрета жены («Лето»), дочери Ольги, автопортрета и т.д.

О достоинствах пейзажных композиций можно судить по сериям акварелей, написанным во время летнего пленэра в странах Европы. Каждый год Ю. Васильев выезжает работать над этюдами, то останавливаясь в северных немецких городах, то рассекая по автострате пространство от Парижа до Пиренейских или Альпийских гор. С изяществом и волшебной легкостью исполнены норвежские впечатления — «Полярная ночь», «Сентябрь на Лофотенах», «Фьорды-фьорды», «Ветер на фьорде». Мелодичность и лирическая напевность свойственны пастелям «французского» цикла: «Площадь Дофинов», «Понт Неф», «Улица в Авиньоне», «Виноградники Прованса». Благодарен художник судьбе и за встречи, состоявшиеся в Аму-Дарьинском оазисе Средней Азии. В далеком, жарком краю были созданы листы «Пустыня Кара-Кум», «Чайхана в пустыне», «Долина реки Аму-Дарья».

Для художника Юрия Васильева всегда было важным увидеть в природе и в жизни людей, в собственных фантазиях или в тексте иллюстрируемой книги, новый и запоминающийся мотив. Удачно найденный сюжет и умело переданное состояние мотива позволяют вызвать отклик в сердцах зрителя. А какая награда может быть дороже в мире духовных ценностей?